

Дружба как метафизический опыт*

© 2020 г. Ю.В. Синеокая

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, 236016, ул. Александра Невского, д. 14.

E-mail: jvsineokaya@gmail.com

Поступила 19.03.2020

В центре внимания автора рождение философской традиции из дружеского диалога. Для понимания развития и специфики философских концепций важно изучение межличностной, экзистенциальной коммуникации авторов внутри малых философских сообществ и групп. К наиболее существенным для философской традиции межличностным экзистенциальным коммуникациям автор относит дружеское общение. Экзистенциально укорененное единство друзей имеет мало общего с единством социальным, общественным. В статье различаются два регистра дружбы, обусловленных антинормичностью человеческой природы: нераздельностью и неслиянностью внешне ориентированной стороны человека и стороны, ориентированной внутренне. Траекторию понимания дружбы как базовой структуры человеческого существования задали на века Аристотель и Цицерон. Начиная с Монтеня, в дружеской коммуникации стали усматривать исток философствования. Хайдеггер, выйдя за границы антропологического подхода, связал феномен дружбы с вопросом о бытии. В статье феномен дружбы представлен как опыт добровольной свободы, создающий человека. Дружба понимается как *filia* – любовь, дарящая человеку целостность, делающая его таким, каким его нет без его дружеского круга. О философии как «голосе друга» размышлял Ла Бозси, Ницше, Флоренский, Хайдеггер, Федье. Долг перед такой дружбой Монтень ставил выше гражданского долга и любовной страсти, Лессинг считал возможным пожертвовать истиной ради такой дружбы, Ханна Арендт отдавала предпочтение такой дружбе перед братством и товариществом. В статье показано, что искусство философствования во многом определяется интеллектуальной щедростью, талантом к дружескому общению. Занятия философией предполагают слушание, обсуждение, спор, взаимный обмен интуициями, аргументированное выражение несогласия.

Ключевые слова: дружба, товарищество, солидарность, сотворчество, интеллектуальное притяжение, социализация, философская коммуникация, идентичность.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-68-80

Цитирование: Синеокая Ю.В. Дружба как метафизический опыт // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 68–80.

* Данное исследование выполнено по мегаеме Института философии РАН «Многообразие философских и религиозно-мировоззренческих систем в эпоху глобализирующегося человечества» и было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Friendship As a Metaphysical Experience*

© 2020 Yulia V. Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, Alexandr Nevsky str., Kaliningrad, 236016, Russian Federation.

E-mail: jvsineokaya@gmail.com

Received 19.03.2020

The author focuses on a philosophical tradition born from a friendly dialogue. To understand the development and specificity of philosophical concepts, it is important to study the interpersonal, existential communication of authors within small philosophical communities and groups. The author considers friendly communication among the most essential interpersonal existential communications for the philosophical tradition. The trajectory of understanding friendship as the basic structure of human existence was set for centuries by Aristotle and Cicero. Since Montaigne, friendly communication has been seen as the source of philosophizing. Transcending the anthropological approach, Heidegger linked the phenomenon of friendship with the question of being. The article presents the phenomenon of friendship as an experience of voluntary freedom that makes a person. Friendship is understood as *filia* – love that gives a person integrity, making him/her what the person cannot be without his/her circle of friends. Philosophy as the “voice of a friend” was considered by La Boétie, Nietzsche, Florensky, Heidegger, and Fédier. Montaigne put debt of such friendship above civil duty and love passion, Lessing thought it possible to sacrifice truth for the sake of such friendship, Hannah Arendt gave preference to such friendship over brotherhood and comradeship. The article shows that the art of philosophizing is largely determined by intellectual generosity, talent for friendly communication. Being engaged in philosophy implies listening, discussion, argument, mutual exchange of intuitions, reasoned expression of disagreement.

Keywords: friendship, comradeship, solidarity, co-creation, intellectual attraction, socialization, philosophical communication, identity.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-68-80

Citation: Sineokaya, Yulia V. (2020) “Friendship As a Metaphysical Experience”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 68–80.

Замысел работы о философских эманациях дружбы сложился у меня в июле 2018 г. на юго-западе Франции, во время прогулки по парку родового замка Мишеля Монтеня и посещения башни, в которой жил и работал философ. Первые наброски текста я сделала тогда же, в тихом городке Сарла, на террасе, расположенной напротив дома, в котором появился на свет и провел молодые годы Этьен Ла Боэси. История дружбы Монтеня и Ла Боэси, ставшая важной вехой европейской философии, ожила для меня под лазурным небом Перигора: голоса птиц, шелест листьев и полуденный аромат трав тех мест не изменились с конца XV столетия.

* This study was carried out according to the megatheme of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences “The variety of philosophical and religious-worldview systems in the era of globalizing humanity” and was supported by a subsidy allocated for the implementation of the Competitiveness Enhancement Program realized by the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Однако тогда, два года назад, приехав в Москву и угодив в водоворот повседневной суеты, мне пришлось отложить свои путевые заметки до более подходящего времени. Теперь же, весной 2020 г., это время пришло. Мир замер, будто циферблат, с которого исчезли стрелки. Как бы ни оценивали постфактум состояние умов моих современников, для меня настроение апреля-мая 2020 г. предельно точно выражено в давних строчках М.С. Генделева: «Такие дни, на дне которых тьма».

Оказавшись дома в самоизоляции в связи с пандемией COVID-19, я решила привести в порядок свои старые записи. Поначалу я было уже взялась за историю своего собственного «Путешествия вокруг моей комнаты»¹, по примеру офицера Сардинского королевства Ксавье Франсуа де Местра, оказавшегося весной 1794 г. под домашним арестом за дуэль. Однако скоро поняла, что представившийся мне случай вынужденной несвободы – наилучшее время для воплощения замысла текста о дружбе как опыте, создающем человека.

Почему эта тема оказалась важной именно сейчас? Назову две причины. Во-первых, угроза быстрого распространения опасного вируса обрекла людей разных стран на самоизоляцию. Никто не знал, как долго будет продолжаться ситуация запрета на живое общение. Перенести это испытание оказалось тяжело. Виртуальные коммуникации позволяли обмениваться фактами, но не решали проблему отсутствия теплоты личных встреч. Второе обстоятельство заключалось в переводе научных мероприятий и университетских занятий в удаленный режим. В результате стало ясно, что по Интернету можно передать ученикам и коллегам лишь набор сведений и выводы из своих исследований, но полноценная дискуссия, сотворчество в отдаленном формате невозможны. Процесс совместного философствования предполагает экзистенциальную коммуникацию глаза в глаза. Новая ситуация, в которой мы все оказались, нуждается в осмыслении феномена дружеского общения как личного человеческого контакта, его роли в становлении философской традиции.

Философский дискурс: идеи и экзистенциалы

Философское мышление полемично, оно невозможно ни в ситуации единодушно-го согласия, ни в изоляции, обрекающей человека на безмолвный диалог с собой. Цель философии не сообщать выводы, а побуждать других людей к самостоятельному мышлению, к диалогу. Однако даже общение с другими самостоятельно думающими личностями, помогающее избавиться от парализующего мысль одиночества, наряду с наличием свободного публичного пространства и открытым доступом к интеллектуальному наследию ушедших поколений и современников, – лишь необходимое, но не достаточное условие для философствования. Для рождения идей и смыслов нужен опыт дружеского общения.

Если различать философские концепции, основываясь на своеобразии обусловленных различными культурами логик формирования идей и смыслов, то мировое интеллектуальное пространство предстает в виде отдельных кластеров. Мыслительные установки, духовные и социальные парадигмы, системы рациональности разнятся, будучи обусловленными спецификой типов сознания людей разных культур. Близость же экзистенциальных интуиций мыслителей, принадлежащих к разным интеллектуальным традициям, напротив, является основанием и залогом существования единого мирового философского пространства. Экзистенциальные переживания позволяют услышать и понять другого людям, принадлежащим к разным традициям, тем, кто считает друг друга единомышленниками, и тем, кто воспринимает друг друга как оппонентов. Не идеи, а экзистенциалы объединяют представителей разных полюсов мысли.

Иными словами, критерием состоятельности философского дискурса выступает не наличие логически безупречных умозаключений, ставящих в диалоге точку, а открытость экзистенциальной беседы, дающая импульс к самостоятельному творчеству. Истина слагается из столкновения и взаимодействия разных мнений, она не данность, а процесс, и потому всегда противоположна догме. Основа философствования –

коммуникация, радость от обмена откровениями о последних вопросах существования. Экзистенциальная коммуникация снимает непроходимость перегородок между людьми, говорящими на разных языках, между представителями разных философских школ, между культурами и цивилизациями, служит доказательством их принципиальной неизолированности.

Для понимания рождения, развития и специфики философских концепций важно изучение межличностной, экзистенциальной коммуникации авторов внутри малых философских сообществ и групп. К наиболее существенным для философской традиции межличностным экзистенциальным коммуникациям я отношу дружеское общение. В ходе своих исследований истории отечественной и европейской мысли я не раз убеждалась в том, что философские труды являются во многом эманациями дружеского общения.

Дружба как сотворчество

Симона Вейль, подчеркивая сверхъестественную² природу дружбы, сравнивала ее с находящейся в бесконечности точкой схождения параллельных прямых. Почему же дружба граничит с чудом? Вопреки логике возможность обретения и сохранения автономности каждого из друзей определяется абсолютным единством двоих. Дружеский союз уникален тем, что позволяет двоим вместе достичь того, что невозможно для каждого в одиночку – стать самим собой. Монтень писал, что в дружбе души друзей смешиваются и сливаются в нечто до такой степени единое, что скреплявшие их когда-то швы стираются начисто: «Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: “Потому, что это был он, и потому, что это был я”» [Монтень 1958, 239].

Настоящая дружба настолько редка, что лишенные личного опыта дружбы люди склонны видеть в ней мистификацию или самообман. Однако наряду с уникальными субъективными свидетельствами реальности и креативности дружбы доказательством существования дружеских отношений служит само мировое культурное наследие, формирующееся в пространстве свободного дружеского диалога. Классические тексты о дружбе не оставляют сомнений в том, что критерием, отличающим истинную дружбу от других практически важных для жизни в обществе межличностных отношений, является творческий импульс, идущий от дружеского общения, сотворчество.

Аристотель в «Никомаховой этике» проводит аналогию между дружбой и творчеством (ποίησις): «Друга любить, как свое творение»³ [Аристотель 1984, 743]. Дружба – умение услышать и разглядеть себя в другом, а другого в себе, это мудрость подарить другому, непохожему на тебя, его самого, делая это бережно, не навязывая другому себя, свои собственные прозрения и ориентиры. Друзья не являются alter ego друг друга: «Друг это человек, который говорит на вашем языке, но говорит он на нем своим, только ему присущим голосом... Каждый из друзей для другого тот, вблизи кого “свой” глубинный голос божественного становится чисто слышимым. Голос друга не спутать с другим голосом потому, что он обладает безошибочным свойством быть самим собой» [Федьё 2018, 25].

Основополагающей ценностью европейской философской традиции является дружба, предполагающая совместное постижение и переживание смыслов. Разговор составляет суть дружбы, служит залогом «взаимопроникновенности» [Флоренский 1990, 414], открывает в другом «своего» близкого человека. Аристотель свидетельствовал, что «многие дружбы расторгла нехватка беседы» [Аристотель 1984, 226]. Монтень полагал, что бытие в дружбе как «обмен благодеянием» обретает реальность, когда мы доверяем друг другу то, что скрыто в нас. Дружеская связь освобождает нас для нашей собственной свободы, открывая возможность творчества.

Академические тексты, написанные в жанре писем к другу, представляют собой классический прием изложения философских размышлений, и неважно, является ли эта форма литературным приемом (например, центральный труд П.А. Флоренского

«Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах») или реальной перепиской двух товарищей (например, книга В.И. Иванова и М.О. Гершензона «Переписка из двух углов»).

Дружеский диалог не имеет ничего общего с взаимопринуждением к единству посредством логической непротиворечивости выводов и доказательств. О даре свободы, рожденной узами дружбы, писал Вячеслав Иванов своему собеседнику Михаилу Гершензону: «Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его, и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголят уста. Ничем лучшим не могут одарить друг друга люди, чем уверяющим ясноведанием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания. Одного надлежит остерегаться: как бы не придать этим сообщениям, этим признаниям характер принудительности, то есть не обратить их в достояние рассудка. Последний принудителен по своей природе; дух же дышит, где хочет. Духовными должны быть слова-символы о внутреннем опыте личности и воистину чадами свободы» [Иванов, Гершензон 2000, 25].

Добровольная свобода дружбы

В дружбе Монтень видел воплощение свободы воли.

Противопоставляя, вслед за Ла Бюэси, добровольную свободу дружбы добровольному рабству, означающему подчинение воли одного человека воле другого и этим обрекающего подчиненного на отказ от осуществления себя, Монтень считал высшим проявлением дружбы свободу друзей жить друг для друга, одаривать друг друга лучшим, что есть у каждого из них, приносить друг другу благо. Важно, что, говоря о благе, Монтень имел в виду не дарение, а принятие дара. В трактате «О дружбе» упоминается история Диогена, который, когда нуждался в деньгах, не говорил, что одолжит их у друга, а говорил, что попросит друга возратить ему долг. «Если бы в той дружбе, о которой я говорю, один все же мог что-либо подарить другому, то именно принявший от друга благодеяние обязал бы этим его: ведь оба они не желают ничего лучшего, как сделать один другому благо, и именно тот, кто предоставляет своему другу возможность и повод к этому, проявляет щедрость, даруя ему удовлетворение, ибо тот получает возможность осуществить свое самое пламенное желание» [Монтень 1958, 242]. Главный дар общения с близким по духу человеком – рожденные дружбой новые смыслы и интуиции.

«Никто не выберет жизнь без друзей, даже в обмен на все прочие блага» [Аристотель, 1984, 219], – считал Аристотель. «Человек, у которого есть настоящие друзья, не знает настоящего одиночества, пусть даже на него ополчатся все кругом» [Ницше 2014, 190], – вторил ему Ницше 23 века спустя.

Аристотель называл друзей «два совокупно идущих» [Аристотель, 1984, 219]. Дружба легко уподобить совместному путешествию по неосвоенному маршруту, который выстраивается без сверки с дорожными картами, без рекомендаций гидов и предписаний путеводителей. Недаром древние полагали, что истинность поговорки *hos oikeion kai philon* (человек человеку – друг) становится очевидной во время скитаний. В благополучном исходе дружеского пути нет гарантий, можно потерять ориентир, сбиться с дороги. И все же вместе люди способнее и к верному пониманию, и к нужному действию. Трудно сохранить дружбу в жизненной суете: интересы и характер людей меняются под действием пережитых несчастий. Дружеские отношения могут быть разрушены соперничеством, взаимными упреками, требованием соучастия в не вызывающих одобрение делах или сменой идеологических ориентиров. Насколько длинным окажется совместный маршрут, зависит от продолжительности радости общения и взаимной благожелательности спутников, от их любопытства к друг к другу.

Трудный вопрос о том, как следует поступить, если дружеское общение исчерпало себя, впервые поставил Аристотель. Ничего в жизни нельзя остановить, удержать, обрести раз и навсегда, все уходит, все имеет конец и начало, свой час; в череде утрат и обретений человек узнает себя самого, становится собой, возвращается к себе. Когда

один из друзей останавливается на месте, а другой уходит вперед, дружеские узы слабеют. «Если же один остается прежним, а другой становится более добрым человеком и начинает намного отличаться от первого добродетелью, надо ли обращаться с первым как с другом?» – спрашивает философ. Ответ однозначен: сохранить дружбу волевым усилием невозможно. Аристотель приводит пример дружбы, идущей из детства: «Если один по образу мыслей (*ten dianoian*) остается ребенком, а другой становится мужем в лучшем смысле слова (*hoios kratistos*), то как им быть друзьями, когда им нравится не одно и то же и радуются, и страдают [они по разным поводам]? Ведь даже отношение друг к другу у них будет не совпадать, а без этого нельзя быть друзьями, ибо без этого невозможно иметь общий образ жизни» [Аристотель 1984, 249]. Но дружба не проходит бесследно. Память о былой «дружеской приязни» может выцветать от времени, но никогда не сотрется до конца из души.

Раз бывшее не становится не бывшим – уход друга, покинувшего мир навсегда, не означает конца дружбы. Дружба остается как оберег, согревает в суровые времена, мобилизует творческие силы. История философии знает немало примеров того, как смерть одного из друзей дала пережившему другому другу импульс к занятиям философией. «Опыты» Мишеля Монтеня родились из боли утраты Этьена Ла Боэси, из вдохновения от их совместных бесед, из желания сохранить для будущего наследие своего друга⁴, его образ, продолжить прерванный разговор: «...когда я сравниваю всю остальную часть моей жизни с теми четырьмя годами, которые мне дано было провести в отрадней для меня близости и сладостном общении с этим человеком, мне хочется сказать, что все это время – дым, темная и унылая ночь. С того самого дня, как я потерял его, *quem semper acerbum, Semper honoratum (sic, Dii, voluistis) habebō*⁵, я томительно прозябаю; и даже удовольствие, которые мне случается испытывать, вместо того, чтобы принести утешение, только усугубляют скорбь утраты. Все, что было у нас, мы делили с ним поровну, и мне кажется, что я отнимаю у него его долю...» [Монтень 1958, 245], – писал Монтень. Несмотря на то, что Монтеню, привыкшему быть всегда и во всем вторым «я» своего друга, казалось, что после смерти Ла Боэси он превратился в получеловека, дружба, дарованная ему судьбой, в течение всей его жизни и до, и после гибели друга продолжала оставаться его истинной жизнью, говоря словами Федье, «лицом всей жизни Монтеня – благословенной жизни двоих» [Федье 2018, 49]. «Опыты» – памятник дружбе – были написаны Монтенем как благодарная встреча с Ла Боэси, так и из-за роковой утраты друга...

Дружба vs коллективная идентичность

В древности дружба ценилась больше, чем все другие виды человеческих отношений, поскольку считалась достоянием мудрых, честных, равных в свободе и близких по духу граждан, свидетельствовала о человеческом достоинстве, проявляющемся как в счастье, так и в несчастье. В дружбе видели источник надежды на будущее, дружеское общение побеждало уныние и не давало падать духом даже в самые темные времена. Античные философы были едины во мнении, что дружба всегда добровольна, что она не бывает несвоевременной или тягостной, не имеет ничего общего с нуждой, упованием на помощь или взаимную выгоду. Узы дружбы виделись следствием не изыяна, а избытка: «Чем больше человек уверен в себе, чем в большей степени наделен он доблестью и мудростью, так что он не нуждается ни в ком и думает, что все зависит от него самого, тем более превосходит он других людей в создании и поддержании дружеских отношений», – утверждал Цицерон [Цицерон 1974, 39].

Вопрос о природе истинной дружбы Аристотель связывал с вопросом о единомыслии (*homonoia*), отличая согласие друзей от «государственной дружбы», основанной на сходстве мнений (*homodoxia*), которое присуще незнакомым людям, согласным между собою в суждении о чем-либо.

Экзистенциально укорененное единство друзей имеет мало общего с единством социальным, общественным. Дружеское единомыслие основано на личной близости,

это согласие двоих, воспринимающих себя как ценностно единое и совершающих поступки сообща. Однако для Античности, воспевавшей интимно-личностную природу дружбы, причастность дружеского союза к внешнему миру и политике была очевидна. Примером могут служить архетипические мифологические дружеские союзы: Орест и Пилад, Ахилл и Патрокл, Тесей и Перифой.

Оборотной стороной дружеского единomyслия является провокативный аристотелевский тезис о дружбе с самим собой. Философ считал вполне правомерной такую постановку вопроса, поскольку полагал, что душа состоит из частей, а также потому, что чрезмерность в дружбе он сравнивал с «дружбой к самому себе» [Аристотель 1984, 251]. Мыслителем, всерьез относившимся к проблеме дружбы с самим собой, был Ницше, чье кредо «всегда одиножды один – это дает со временем два» [Ницше 2007, 58] во многом определило не только центральный мотив его творчества, но и исход его жизни. Друг для Ницше – это тот, в чьей власти забыть друга от раскола, открыв доступ к другому в себе, к своему настоящему существу: «Я и Меня слишком усердствуют в разговоре; как вынести это, если бы не было друга? Всегда для отшельника друг является третьим: третий – это пробка, мешающая разговору двоих погрузиться вглубь» [Там же]. Цель дружбы – открыть другого в себе самом, дать волю самости, импульс к свободе. Друг оказывается и «лучшим из врагов», выталкивающим своего друга из уютного кокона его «я» на встречу к нему же самому, еще не бывшему.

В отличие от Руссо, видевшего осуществление человечности в *fraternité* (братской привязанности к людям, в теплоте человеческих взаимоотношений, в филантропических чувствах), Ницше утверждал, что именно дружба открывает человечеству шанс определиться с тем, что же такое человек, задавая вектор, направленный к сверхчеловеку. Дружба, основанная на щедрости, избирательна. Братство, основанное на сострадании и человеколюбии, эгалитарно. Ницше противопоставляет дружбу и братство, дружбу и человечность. Ницшевский сверхчеловек соотносится с человеком так же, как дружба соотносится с братством или товариществом. Дружба для Ницше – проект, цель становления человеческого сообщества: «Сколько даете вы другу, столько собираюсь я дать даже своему врагу и не стану от этого беднее. Существует товарищество – пусть будет и дружба!» [Там же, 59] – таков призыв, обращенный к дальнему.

Хайдеггер, рассматривая дружбу в контексте учения о бытии, полагал, что в голосе друга слышен голос другого всему, которое таким образом выговаривает себя в мир. Дружба утверждалась им как неэгоцентрическое совпадение с собственной свободой. Хайдеггер подчеркивал, что единства идеологические, культурные, национальные объединяют людей лишь условно, одновременно с этим и разобщая их, поскольку такие единства основаны на розни и инаковости по отношению к другим единствам.

Аристотель различал товарищество и дружбу, сближая братство (единство, основанное на «одной крови» и «[одном] корне» [Аристотель 1984, 237]) с товариществом⁶ (понимаемым как политические, военные и т.п. объединения людей, равных по социальному статусу, близких по нравам и интересам). Государственное единomyслие проявляет себя в единстве образа жизни и поступков граждан, согласных как относительно своих личных и государственных интересов, так и решений властей. Такая «государственная дружба» сплавливает различного масштаба сообщества (от товарищеских до межгосударственных союзов).

Главным отличием дружбы от братства и товарищества является признание приоритета метафизического начала в человеке. Братские же и товарищеские узы, напротив, держатся на коллективной идентичности: семейной, групповой, клановой, национальной, религиозной. Настоящая дружба возможна, когда двое видят друг в друге, прежде всего, просто людей, а не представителей того или иного сообщества, когда один человек общается с другим как с самодостаточной уникальной личностью, не солидаризируясь, не отождествляя себя с другим по идеологическим, культурным, социальным, классовым, поколенческим или профессиональным основаниям. Можно сказать, что дружба соотносится с товариществом (братством) как философия с политикой (идеологией).

Два регистра дружбы

Я различаю два регистра дружбы, обусловленных антиномичностью человеческой природы: нераздельностью и неслиянностью внешне ориентированной стороны человека и стороны, ориентированной внутренне.

Оценка и самооценка людей основываются как на значительности общественных проявлений личности, той роли, которую человек играет в социальной жизни, так и на его духовном потенциале, масштабе его внутреннего мира. Монтень в «Опытах» в главе «Об уединении» вводит понятие «необщительной общительности». Он замечает, что нет другого существа, которое было бы столь же общительно и столь же неуживчиво, как человек: первое – в силу его природы, второе – по причине его пороков. Одна из определяющих человеческую судьбу антиномий – это, с одной стороны, тяга к общению, желание общественного признания, публичности, стремление занять достойное место в социальной иерархии, а с другой – стремление замкнуться, уйти в себя, в свой метафизический мир, презрение к суете. Это противоречие определило различное восприятие сущности дружбы в классической и экзистенциальной традициях.

Хайдеггер задает эту антиномию иначе, переводя ее с антропологического регистра в онтологический. Он различает эгоцентризм, сосредоточенность на себе как безусловном центре, с одной стороны, и с другой – рефлексивную неэгоцентрическую, устремленную к тому, что находится за пределами сферы эго, к «другому началу» в нас. Именно друг, дружеский голос служит и гарантом постижения нами нас самих, и гарантом постижения нами иного, чем мы сами. Голос друга является проводником за границы замкнутой на себя окружности «я». Внимание Хайдеггера сосредоточено не на эгоцентрическом «проекте самого себя», не на обращении «я» к себе как безусловному и окончательному центру, не на выстраивании «совпадения «меня» с самим собой», а на неэгоцентрической связанности самости с бытием [Хайдеггер 1997, 69]. Франсуа Фейде, продолжая мысль Хайдеггера, говорит о том, что в голосе друга слышен голос *другого* всему тому, что выговаривает себя в нас через голос друга. «Другое всему» – та реальность, в которой происходит дружеское общение⁷. Единство через «другое всему» и является, по Хайдеггеру, самым прочным единством – дружеским.

* * *

Траекторию понимания дружбы как базовой структуры человеческого существования задали на века Аристотель и Цицерон.

Начиная с Мишеля Монтеня и Этьена Ла Бозси, в дружеской коммуникации стали усматривать исток философствования.

Мартин Хайдеггер и Франсуа Фейде, выйдя за пределы антропологического подхода, осмыслили феномен дружбы в контексте вопроса о бытии.

Дружба как базовая структура человеческого существования

Главным сочинением, задавшим канон философской рефлексии о дружбе в европейской традиции, принято считать VIII и IX книги «Никомаховой этики»⁸. Аристотель определил дружбу как добродетель, добавив: «[Некоторые] считают, что добродетельные мужи и дружественные – это одно и то же» [Аристотель 1984, 221]. По числу «предметов дружеской приязни»: благо, полезность и удовольствие – философ различал три вида дружественности, называя союзы, основанные на взаимной выгоде или взаимном удовольствии, лишь подобиями дружбы. Уравнительность или превосходство в отношениях Аристотель также считал признаками отсутствия настоящих дружеских уз. Истинная дружба, утверждал он, бывает лишь между подобными друг другу добродетельными и зрелыми людьми, искренне и бескорыстно желающими друг другу блага: «Совершенная дружба – “дружба по добродетели”, основана на благе самом по себе» [Там же, 229].

В классической философской парадигме дружба предстает союзом между гражданами, близкими по политическим взглядам. Основанием такой дружбы служит гражданская доблесть. Цицерон полагал, что гражданская доблесть порождает и поддерживает дружбу, и советовал современникам «ценить доблесть, без которой дружбы быть не может, столь высоко, чтобы, кроме нее, не ставить ничего выше дружбы» [Аристотель 1984, 229]. Ценность дружбы определялась в Античности патриотизмом друзей, их согласным совместным участием в государственных делах.

Для экзистенциального понимания дружбы, заложенного Ла Боэси и утвержденного Монтенем, главной ценностью, напротив, выступала неповторимая индивидуальность друга, его внутренний мир. Миссией друга считалось посредничество между внешним миром и приватностью дружеского «я».

Открытые и доверительные отношения рассматривались как залог верной дружбы в обеих традициях: «Тот, кто смотрит на истинного друга, смотрит как бы на свое собственное отображение... и решается говорить, как с самим собой» [Монтень 1958, 243]. Эссе «О дружбе», составившее знаменитую XXVIII главу первого тома «Опытов», Монтень выстроил по образцу диалога Цицерона «Лелий, или О дружбе». Однако, в отличие от Цицерона, излагавшего свои взгляды на дружбу опосредованно, используя для убедительности авторитет исторических личностей, Монтень пишет от первого лица, не сдерживая эмоций, и прямо говорит о личном экзистенциальном опыте.

Диалог «О дружбе» Цицерон посвятил памяти своего лучшего друга Тита Помпония Аттика, имя которого не упоминается в беседе. Цицерон изложил свои мысли посредством рассказа о знаменитом товарищеском союзе Публия Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского и Гая Лелия Мудрого. Молодые годы Цицерон провел в кругу римских аристократов, продолжавших традиции младшего Сципиона и Гая Лелия, этим и был обусловлен выбор героев. В диалоге описана атмосфера, царившая в этом сообществе.

Монтень, напротив, начинает свое эссе с откровенного признания, что импульсом к занятиям философией и радостью дружбы столь глубокой и совершенной, что другой такой не найти в книгах, он обязан своему другу Этьену де Ла Боэси, автору знаменитого сочинения «Рассуждение о добровольном рабстве», которое послужило поводом для начала их общения. Монтень не скрывает, что его «Опыты» были задуманы как дань главному событию в его жизни – дружбе с Ла Боэси, начавшейся в 1558 г. и длившейся до смерти Ла Боэси в 1563 г. По замыслу Монтеня «Рассуждение о добровольном рабстве» должно было быть помещено в центр повествования, однако от этого плана Монтеню пришлось отказаться в силу политических реалий (трактат Ла Боэси – апология свободы наперекор тирании – был опубликован в сокращенном варианте как протестантский памфлет).

Завязкой к двум сочинениям о дружбе послужила недавняя смерть друга: диалог Цицерона начинается с ухода из жизни Сципиона – друга Лелия, а текст Монтеня – с кончины Этьена Ла Боэси. Оба автора признаются в том, что обрыв живого дружеского общения открыл им уникальную возможность ощутить себя вторым «я», продолжением своего друга, оба едины в том, что смерть друзей принесла им, наряду с горечью и ощущением изъяна, непреходящее чувство соприсутствия друга.

И Цицерон, и Монтень определяют дружбу как обоюдное согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью и, следуя за Аристотелем, подробно разбирают отличие дружбы от других видов привязанности между людьми: родственной, общественной, налагаемой гостеприимством и любовной.

Вслед за Аристотелем и Цицерон, и Монтень ставят перед собой задачу определения критериев настоящей дружбы, которая имела бы опору только в себе самой. Монтень предельно искренен в описании дружбы с Ла Боэси, соединившей их воли в одну: «Моя воля погрузилась в его волю и растворилась в ней, точно так же, как его воля, погрузилась в мою и растворилась в ней... Я говорю “растворилась”, ибо в нас не осталось ничего, что было бы достоянием только одного или только другого, ничего, что было бы только его или только моим» [Монтень 1959, 239].

Монтень обращается к эпизоду из диалога Цицерона, как к образцу дружеской верности. История такова: в присутствии римских консулов Лелий спросил Блоссия (ближайшего друга осужденного Гракха), как далеко готов тот пойти ради друга. Ответ Блоссия был лаконичным: «Я готов пойти на все». Следующий вопрос Лелия был о том, как бы поступил Блоссий, если бы его друг приказал ему сжечь храмы. Блоссий заверил судей, что выполнил бы это желание Гракха, однако подчеркнул свою уверенность в том, что его друг никогда бы не обратился к нему с подобной просьбой.

Комментируя этот эпизод, Монтень замечает, что Блоссию не следовало бы давать ответ на второй вопрос, поскольку отсутствие ответа подчеркнуло бы невозможность этически неприемлемой просьбы со стороны друга. Тем не менее Монтень считает, что ответ Блоссия был таким, каким и следует быть ответу настоящего друга. Суть дружбы Монтень видел в единой воле друзей, иначе они не были бы друзьями ни друг другу, ни самим себе.

Монтень приветствует установленный Цицероном главный закон дружбы: «Будем просить друзей о нравственно-прекрасном, будем совершать ради друзей нравственно-прекрасные поступки; даже не будем ждать, чтобы нас о них просили; стремление оказать услугу пусть всегда будет, промедления в этом пусть не будет; давать совет будем смело и без колебаний» [Цицерон 1974, 42]. Из комментария Монтеня к диалогу Цицерона следует, что образ друга сливается для него с божественным образом. Монтень, в свойственной ему манере, не обращается к историческим персонажам, а из реалий собственной жизни выстраивает аргумент, отсылающий к подвигу веры Авраама. «Ответ Блоссия звучал так же, как звучал бы мой, если бы кто-нибудь обратился ко мне с вопросом: “Убили бы вы свою дочь, если бы ваша воля приказала вам это?”, и я ответил бы утвердительно. Такой ответ не свидетельствует еще о готовности к этому, ибо у меня нет никаких сомнений в моей воле, так же как и в воле моего друга. Никакие доводы в мире не могли бы поколебать моей уверенности в том, что я знаю волю и мысли моего друга. В любом поступке его, в каком бы виде мне его ни представили, я могу тотчас же разгадать побудительную причину» [Монтень 1958, 240].

Цицерон никогда не принял бы тезис Монтеня о том, что быть друзьями – большее, чем быть гражданами, и не согласился бы с тем, что дружба выше всех других обязательств. Для Монтеня, видевшего в дружбе главную ценность, было очевидным, что даже тайна, которую он поклялся не открывать никому другому, может быть без совершения клятвопреступления открыта другу – тому, кого он считал не другим, а тем же, что он сам, разделяя определение дружеского союза, данное Аристотелем, – «одна душа в двух телах»: «Я не только знал его душу, как свою собственную, но и поверил бы ему во всем, касающемся меня, больше, чем самому себе» [Там же, 241].

Утверждения Монтеня перекликаются с тезисом Аристотеля о том, что единомыслие, сходное с дружеским согласием, скрепляет государство эффективнее правосудия, поскольку снимает разногласия между гражданами и устраняет вражду. Когда в государстве царит единогласие, граждане законопослушны, в то время как сама по себе верность закону не гарантирует общественного согласия: «Из правосудных же [отношений] наиболее правосудное считается дружеским (philikon)» [Аристотель 1984, 221]. Для Цицерона, напротив, высшим благом является преданность закону и отечеству. Каждого, кто выступил бы против закона и отечества, Цицерон был бы готов объявить своим личным врагом. Согласие между бесцельными людьми и Цицерон, и Монтень, вслед за Аристотелем, считали союзом, противоположным дружескому, источником раздора и смуты.

В отличие от Аристотеля, полагавшего, что «в ничтожных размерах дружба и правосудие возможны даже при тираниях» [Там же, 237], Монтень, как и Ла Боэси⁹, видел в тирании явление прямо противоположное дружбе, а тирана считал человеком, для которого дружеское общение недоступно. Никто не стал бы любить того, кого боится, или того, кто боится другого сам. Монтеню вторил Ницше: «Ты раб? Тогда не можешь быть другом. Ты тиран? Тогда ты не можешь иметь друзей» [Ницше, 2007, 59]. Удел тирана незавиден – довольствоваться временным притворным уважением. Монтень радикально отказывал тирану в обладании благом, ведь для счастья человеку нужны

друзья. Произвол тиранов и малодушие подданных противостоят дружбе и губительны для нее.

Дружеское общение может осуществиться при условии свободы, став истоком творческого вдохновения. Дружба освобождает каждого из друзей для собственной свободы. Ответ друга, его участие необходимы, чтобы прийти к единству с собой, открыть самого себя, принять опыт собственной конечности.

Дружеское общение как исток философствования

Следуя хайдеггеровской интуиции, Франсуа Феды уподобил голос друга двери, распахнутой в метафизический опыт человека. Долг перед такой дружбой Монтень ставил выше гражданского долга, родственных связей и любовной страсти. Лессинг считал возможным пожертвовать истиной непротиворечивого умозаключения ради сохранения дружбы. В тупике принудительных своей логической безупречностью формулировок, подобных доказанной теореме, дружеская беседа угасает: становится не о чем больше ни говорить, ни спорить. Такой избирательной дружбе Ханна Арендт отдавала предпочтение перед стирающим все различия братством. Условием дружбы, в отличие от слишком сближающих людей и нивелирующих их различия братства и товарищества, является избирательное сродство душ, при котором в человеке существенно его экзистенциальное начало, а не социальная, классовая, национальная, религиозная или другие идентичности.

Одно из самых проникновенных откровений о дружбе как экзистенциальной структуре вслед за Монтенем принадлежит Франсуа Феды – философу и переводчику, названному Ольгой Балла-Гертман «французским голосом Мартина Хайдеггера» [Балла-Гертман 2011]. Его небольшая концентрированная книга «Voix de l'ami» («Голос друга»), переведенная и откомментированная О.А. Седаковой, представляет собой размышление над хайдеггеровской фразой «голос друга» из книги «Бытие и время».

Феды проводит онтологический анализ феномена дружбы в хайдеггеровской парадигме. «Голос друга» – ключ, открывающий дверь в новое понимание природы дружбы. Главная мысль этой книги может быть выражена одной фразой: «Истинные отношения с бытием есть вслушивание в голос друга» [Седакова 2018, 4]. Сходного прочтения работы Феды как подступа к философии другого начала у Хайдеггера придерживается и хайдеггеровед Я.Э. Мановас: «В голосе друга слышен голос другого всему, которое выговаривает себя в нас; через другое всему, которое в нас, мы слышим другое в голосе друга. Это другое – третье, в котором общаемся мы оба. Это не пустота, которая в сердце, где-то внутри, а стихия общения. Единство друг с другом через другое всему – самое прочное» [Мановас 2019, 85].

Книга Феды не только подробный комментарий, но и иносказание слов Хайдеггера из 34 параграфа «Dasein и слово. Язык» книги «Бытие и время»: «Взаимосвязь речи с пониманием и понятностью проясняется из одной принадлежащей к самой речи экзистенциальной возможности, из слышания. Мы не случайно говорим, когда не “верно” расслышали, что не “поняли”. Слышание конститутивно для речи. И как словесное озвучание основано в речи, так акустическое восприятие в слышании. Прислушивание к... есть экзистенциальная открытость присутствия как событие для других. Слышание конституирует даже первичную и собственную открытость присутствия для него самого своего умения быть в качестве слышания голоса друга, которого всякое присутствие носит с собой» [Хайдеггер 1997, 163].

Феды возводит эмпирический личный опыт дружбы на уровень умопостигаемого сверхличного мистического опыта. Классический канон размышлений о дружбе предполагал откровение о конкретном уникальном факте из жизни автора, выстраивался на примере реального или мифического дружеского союза. Подход Хайдеггера и Феды иной, он основан на понимании дружбы как смычки экзистенциального и «экзистентного» [Феды 2018, 69], сущего и бытия. Голос друга – это голос бытия: «Каждое человеческое существо есть, в себе, двоичность бытия и сущего. Для каждого бытие

в качестве человека предполагает близость друга. Бытие и дружба связаны. Две эти вещи идут вместе» [Хайдеггер 1997, 70]. Друг – это тот, чье присутствие рядом освобождает нас через отношения со-присутствия от скованности индивидуализмом, это тот, кто «вблизи со мной дает мне услышать, как я могу отойти в сторону, отступить, чтобы оставить свободное место, на которое могло бы явиться бытие, которое каждому дает узнать себя уникальным образом» [Там же, 71].

В истории философии можно найти немало разных по продолжительности дружеских союзов, давших импульс к обоюдному философскому творчеству: Монтень – Ла Бозси, Лессинг – Мендельсон, Руссо – Дидро, Гегель – Шеллинг – Гельдерлин, Ницше – Саломе, Бергсон – Джеймс, Хайдеггер – Арндт, Шестов – Шпет, Рассел – Мур, Сартр – Камю, Мамардашвили – Альтюссер, Седакова – Бибихин... Полагаю, что во все времена свобода, которую порождает дружеское общение, способна заменить собой согласие с миром, в котором выпало жить философу. Дружба несет в себе перемирие с миром, открытость ему, возможность найти свое место в мире, осознать собственную реальность. Гёте считал сочетание заслуг и удачи условием, при котором талант может развиваться до уровня гениальности, думаю, что голос друга – необходимая составляющая этой формулы.

Примечания

¹ Название знаменитого эссе Ксавье де Местра: «Voyage autour de ma chambre» [Maistre 1984]. Это занимательное путешествие молодого человека можно сравнить с катарсическим опытом самопознания, исповедью или даже мистерией: «Путешествие моей души вокруг собственной комнаты дало мне ощущение метафизической свободы» [Ibid., 82].

² Монтень впервые засвидетельствовал это, говоря о своей дружбе с Ла Бозси: «Мы были друзьями прежде, чем впервые встретились» [Монтень 1958, 293].

³ Дословно: «Питать дружбу аналогично творчеству (poiesis), и друга любят, как свое творение» [Аристотель 1984, 743].

⁴ В 1571 г. Монтень издал книгу Ла Бозси, в которую вошли несколько переводов Ла Бозси с греческого («О домоводстве» Ксенофонта, «Правила брака» Плутарха и его же «Утешительное письмо жене»), а также латинские и французские стихотворения Ла Бозси. Книга открывалась «Обращением к читателю» Монтеня, в нее вошли несколько писем Ла Бозси разным адресатам, а также отрывок из письма Монтеня своему отцу об обстоятельствах болезни и смерти Ла Бозси. В XXIX главе первых изданий своих «Опытов» Монтень публиковал 29 сонетов Ла Бозси. Эти стихотворения печатались во всех прижизненных изданиях «Опытов» Монтеня, однако подготовленное им незадолго до смерти издание, вышедшее в 1595 г., уже после его кончины, не содержало сонетов Ла Бозси, в издании было указано, что сонеты можно прочитать в другом издании.

⁵ «...который для меня навсегда останется горьким, [но также] навсегда чтимым (ибо такова, о боги, была ваша воля)» (*Вергилий*. Энеида, 5, 49) (Пер. с лат. А.С. Бобовича).

⁶ В Афинах товарищества – гетерии, являлись общественными клубами. Начиная с последней четверти V в. Товариществами называют тайные политические общества олигархической направленности. Особый институт «товарищей» существовал при дворе и в войске Александра Македонского. Это были конные «гвардейцы», военная элита. Часть «товарищей» составляла свиту, приближенных и советников [Аристотель 1984, 223].

⁷ Сходство с учением о восхождении и нисхождении и идеей преодоления индивидуализма в символизме Вячеслава Иванова.

⁸ Почему Аристотель поделил свои размышления о дружбе в этом трактате примерно пополам, неясно, никакого содержательного перелома на границе VIII и IX книг нет.

⁹ Определение дружбы как «добровольной свободы» – отсылка Монтеня к знаменитому трактату его друга Этьена Ла Бозси «О добровольном рабстве», сочинению, ставшему, по свидетельству Монтеня, поводом к их знакомству.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Аристотель 1984 – *Аристотель*. Никомахова этика. Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–204 (Αριστοτέλης, *Ἠθικά Νικομάχεια*, Russian Translation).

Арндт 2003 – *Арндт Х.* О человечности в темные времена: мысли о Лессинге // *Арндт Х.* Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 11–43 (Arendt, Hannah, *Von der Menschlichkeit in finsternen Zeiten*, Russian Translation).

Иванов, Гершензон 2000 – *Иванов В., Гершензон М.* Переписка из двух углов // *Гершензон М.О.* Избр. В 4 т. Т. 4. Тройственный образ совершенства. М.: Университетская книга; Иерусалим: Ger-sharim, 2000. С. 22–49 (Ivanov, Vyacheslav I., Gershenzon, Mikhail O., *Correspondence from Two Angles*, in Russian).

Монтень 1958 – *Монтень М.* О дружбе. Глава XXVIII // *Монтень М.* Опыты. В 3 кн. Кн. 1. М.; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 232–247 (Montaigne, Michel de, *Les Essays. Sur l'amitié*, Russian Translation).

Ницше 2014 – *Ницше Ф.* Несвоевременные размышления. Шопенгауэр как воспитатель // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1/2. М.: Культурная революция, 2014. С. 173–158 (Nietzsche, Friedrich W., *Unzeitgemäße Betrachtungen. Schopenhauer als Erzieher*, Russian Translation).

Ницше 2007 – *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. О друге // *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. С. 58–67 (Nietzsche, Friedrich W., *Also sprach Zarathustra. Vom Freunde*, Russian Translation).

Федье 2018 – *Федье Ф.* Голос друга. 2-е изд., испр. / Пер. с фр., коммент., вступит. заметки О.А. Седаковой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018 (Fédier, François, *Voix de l'ami*, Russian Translation).

Флоренский 1990 – *Флоренский П.А.* Письмо одиннадцатое. Дружба // *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. С. 393–463 (Florensky, Pavel A. *The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters. Letter Eleven*, Russian Translation).

Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad marginem, 1997 (Heidegger, Martin, *Sein und Zeit*, Russian Translation).

Цицерон 1974 – *Цицерон Марк Туллий.* Лелий, или О дружбе // *Цицерон Марк Туллий.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 31–57 (Cicero Marcus Tullius, *Lelius sive De Amicitia*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Балла-Гертман 2011 – *Балла-Гертман О.* Два голоса и ключ // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/2271203.html> (дата обращения: 30.06.2020).

Мановас 2019 – *Мановас Я.Э.* «Я есть другое» (Хайдеггер и Федье) // История философии. 2019. Т. 24. № 1. С. 83–88.

Седакова 2018 – *Седакова О.А.* Голос друга. Голос Европы. Заметки переводчика // *Федье Ф.* Голос друга. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. С. 5–12.

References

Balla-Gertman, Olga (2011) “Two Voices and a Key”, Radio Svoboda, URL: <https://www.svoboda.org/a/2271203.html> (in Russian).

Maistre, Xavier (1984) *Voyage autour de ma chambre*, Jose Corti, Paris.

Manovas, Yanina E. (2019) “I am the Other” (M. Heidegger and F. Fedier)’, *Istoria Filosofii*, Vol. 24, No. 1, pp. 83–88 (in Russian).

Morlino, Bernard (2015) *Parce que c'était lui. Les amitiés littéraires*, Écriture, Paris.

Sedakova, Olga A. (2018) “Voice of Friend. Voice of Europe. Translator's notes”, Fédier, François, *Voice of Friend*, Trans. by O. Sedakova, Izdatelstvo Ivana Limbakha, Saint Petersburg (in Russian).

Сведения об авторе

СИНЕОКАЯ Юлия Вадимовна – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, руководитель сектора истории западной философии Института философии РАН; приглашенный исследователь Международного научного совета Академии Кантiana, Института гуманитарных наук, Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград.

Author's Information

SINEOKAYA Yulia V. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, Deputy Director for Research at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, and Head of the Department of History of Western Philosophy at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; invited researcher of the International Scientific Council Academia Kantiana, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.